

Крейг Оулсен

Как я сошел с ума

18+

Крейг Оулсен

Как я сошел с ума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67102830

SelfPub; 2022

Аннотация

История о молодом человеке, впервые ступившем на порог психиатрической клиники в качестве санитаря.

Крейг Оулсен

Как я сошел с ума

Мое имя Лоренцо Карбоне, и я не член мафиозного формирования, как вы могли подумать, и вообще никаким образом не связан с мафией. Этот стереотип приелся мне еще со школы. Одноклассники, да и не только они, сложили обо мне целые истории, в которых мой отец имел отношение к крупным преступным организациям. Но я немного забегаю вперед.

По причине, оставшейся до сих пор тайной, родителям пришлось покинуть Италию еще до моего рождения. Эмигрировав в США, они обосновались на новом месте и больше никогда не задумывались о возвращении на родину. Конечно же, я спрашивал об обстоятельствах, из-за которых родители оставили родную страну, и чем старше становился, тем больше хотел услышать детали. Из их неохотных ответов я сложил довольно размытую картину: по всей видимости, мой отец был ярким оппозиционером и настойчиво критиковал действия послевоенной власти. Не знаю, был он прав или нет, но всё мое взросление родители тщательно ограждали меня от политической среды.

В школе я был обычным ребенком, мог за себя постоять, если приходилось. Поэтому от обидчиков избавлялся довольно быстро: если ситуация выходила из-под контроля,

я не щадил никого, бравшись за любой попавшийся под руку предмет. При этом я не был извергом. Никогда не наезжал на младших из-за мелочей, да и со старшими ребятами был на одной волне. Твердый середнячок среди иерархии школьного сообщества. Учился довольно неплохо, что позволило после окончания старшей школы поступить в медицинский колледж.

Учеба там показалась наисложнейшей, и не из-за трудностей восприятия и экзаменов, а из-за финансовых проблем. Порой денег не хватало даже на еду, ведь всё уходило на образование. Прознав о моих умственных способностях еще в школе, семья делала бóльший приоритет на мое обучение, нежели на удобства, быт и интересы. И я не подвел её. Когда я закончил колледж в степени бакалавра в области медицины, мне открылись новые границы для выбора конкретной профессии, но, как оказалось, денег для этого требовалось еще больше, что потянуть мы точно не могли. Для меня настало время поиска работы и бесконечных попыток трудоустройства в более-менее оплачиваемые места. Их оказалось немало и все они были далеки от медицины: помощник автослесаря, продавец, официант, почтальон – и это только за год. Откладывать деньги едва получалось. А попытки устроиться в какую-нибудь больницу, госпиталь или клинику оканчивались провалом. И вот однажды, спустя более чем год поиска нормальной работы, мне ответили согласием в одной из психиатрических лечебниц.

В 1973 году в возрасте 23 лет я впервые ступил на пороги клиники для душевнобольных и, честно признаться, был поражен порядком «внутренней кухни». Когда меня познакомили с персоналом, с которым было необходимо контактировать по долгу службы, я даже и не думал, что эти люди окажутся настолько жестокими. Но большее беспокойство вызывал один тип... Насколько я мог судить, у него самого было не все в порядке с головой. И все эти впечатления сложились при первом знакомстве. Подозрение, что дальше будет только хуже, не отпускало меня, но в душе я, конечно же, надеялся, что моё мнение окажется ошибочным...

В этот же день мне устроили экскурсию по западному крылу, по которому, в силу рабочих обязанностей, мне следует разносить порции еды в каждую палату с «жильцом». Санитары их называли так из-за желания чувствовать себя чуть более непринужденными. Ведь «работать с жильцами» звучит гораздо приятнее, нежели «работать с душевнобольными». В будущем мое мнение о манере называть больных в соответствии с менталитетом местного персонала будет неоднократно меняться. Также в мои обязанности входили и ночные дежурства: обход того же корпуса и наблюдение за порядком были под моей ответственностью, а также под ответственностью всей смены санитаров, к которой после обучения меня присоединят. Следить за тем, чтобы очередной псих не прикончил себя, немного пугало, но в целом я был готов к подобным обязанностям. Еще меня предупредили,

что если фортуна окажется неблагоприятна, и какой-то умалишенный решится умереть в мою смену, то не видать мне премии в будущем месяце. Правда, я не мог понять, как можно уследить за каждым «жильцом», когда они заперты в палатах. Если ему удастся что-нибудь стащить и сделать из этого орудие, то моя внимательность никак не повлияет на его желание, например, порезать вены или повеситься на решетке единственного, крохотного окна в палате. Но таково было условие, и мне не приходилось выбирать. Договор был подписан.

Так как я впервые трудоустроился в подобном месте, мне полагался наставник. И этим человеком оказался тот ужасный тип, его звали Хэнк, и он был старше меня на десять лет. Хэнк считал свою работой неплохой, несмотря на отсутствие роста или каких-то привилегий. Вскоре я понял, почему он так держался за это место. На обучение дали месяц, и весь этот срок наставник не должен отходить от меня ни на шаг. То есть я прикреплен к нему на целых тридцать дней и все это «незабываемое» время буду впитывать знания, полученные из наблюдения за рабочим процессом.

В первые несколько дней мне полагалось обучение только в дневное время, и я сразу же переключился на выполнение прямых обязанностей, а Хэнк, размахивая «палкой Кога», шёл рядом. В 60-х один полицейский закруглил конец короткой биты для уменьшения риска рассечения тканей, вмонтировал кольцо у рукоятки для крепления на ремень и на-

звал в свою честь. Вот так, благодаря незамысловатому, но все же инновационному подходу люди вписывают себя в историю. Возможно и мне когда-нибудь удастся совершить или создать что-нибудь запоминающееся и остаться в памяти хотя бы жалких учебников.

Толкая тележку с едой впереди себя, я ощущал присутствие чего-то паранормального, а крики, возгласы и вопли «жильцов» усиливали эффект. Перед выходом из дежурной комнаты меня предупреждали, что странное ощущение будет преследовать какое-то время, но вскоре к этому привыкаешь. Это меня и успокаивало, нужно было просто немного перетерпеть внутренние неудобства, а дальше отношение к окружению войдет в нужное русло и беспокойство исчезнет.

Я останавливался у каждой палаты, где находился пациент, а Хэнк опускал половник в чан, доставал оттуда что-то наподобие каши и совал в открытое окошко тарелку с пародией на еду. Встречающиеся взгляды безумцев пугали не меньше истошных криков, а руки и пальцы, хватающие посуду, казались изломанными, ссохшимися, непропорциональными и с жутко длинными ногтями.

– Хэнк, – обратился я, продвигаясь дальше, – а разве столовые приборы им не нужны?

Тот ухмыльнулся.

– Если захотят пожрать, и с тарелки слижут. – Немного подумав, он продолжил: – Это же не люди, Лоренцо, это животные, они обречены быть таковыми всю оставшуюся жизнь.

А значит, к ним и следует относиться как к животным. Что же касается приборов, то они прямо как обезьяны: способны соорудить холодное оружие из чего угодно и прикончить себя или кого-то еще.

– Они же не связаны.

– И что?

– Что им мешает, допустим, перегрызть вены зубами или разбить голову о стену?

Хэнк подошел ко мне вплотную и пробубнил на ухо, не размыкая челюстей:

– Да ты, парень, дебил. Хочешь нас без работы оставить, а? Ты им еще напрямую скажи, чтобы они так и сделали.

– Я... я просто хотел спросить, почему они так не делают?

Хэнк снова отошел.

– Те, у кого хватило мозгов так сделать, давно уже не с нами, а эти попросту не допрут, а может просто боятся. Кто их знает...

Я уяснил ответ, и мы молча пошли дальше.

Очередная дверь, остановка. Едва Хэнк успел открыть окошко, как из него резко вытянулись руки. Он успел увернуться, а затем стремительно сорвал дубинку с пояса и со всей силы начал бить по ним. Мой наставник явно не испытывал жалости и даже в какой-то степени был рад, что этот психопат дал ему возможность помахать палкой.

– Чертов ублюдок! А ну-ка скройся с глаз моих! – заорал Хэнк, как только руки втянулись обратно.

Агрессию санитаров мгновенно подхватили обитатели ближайших палат, а затем волна ора дошла до других пациентов.

– Сейчас они успокоятся! Такое бывает! – говорил он как можно громче.

Я закивал головой, давая понять, что услышал его, а после увидел, как Хэнк закрывает ладонями уши. Пришлось повторить за ним. Но дикий шум все равно пробивался сквозь вакуум. Я закрыл глаза. Через какое-то время крик стих.

– Ну как ощущение, Лоренцо? – спросил Хэнк, едва я открыл глаза.

– Отвратительное.

– Я же говорил, они животные...

Вскоре обход закончился. И после посиделок в дежурной комнате я отправился домой. Было тяжело, но не так, как на предыдущих работах, физически я не чувствовал усталости, но вот эмоционально... был выжат как лимон.

Напомню, что первую неделю я посещал место работы только в дневную смену. Руководство дало возможность привыкнуть хотя бы к дневному графику, а там, если выдержу, меня поставят снова с Хэнком в рабочую смену, которая включает и ночные дежурства. На время я был прикреплен к другой бригаде санитаров. Мне снова пришлось знакомиться с новыми лицами, вдобавок к чему я быстро смекнул, что они очень недовольны моим присутствием. Проработав лишь несколько часов, я понял, почему мне так не показалось. А то, что Хэнк является чуть ли не ангелом, по срав-

нению с этими ребятами, мне тоже пришлось уяснить в этот же день.

Тогда будущие коллеги не обращали на меня никакого внимания, все занимались своими делами или же слонялись по клинике. Я решил не отставать от них и тоже прогуляться по длинным однотонным коридорам. Через какое-то время хождения послышался истеричный крик одного из «жильцов», это меня не удивило, но вот слова кричащих санитаров показались достаточно странными. Я приблизился к одной из палат. Она оказалась открыта, а слова унижения отчетливо звучали из-за двери. После чего последовал удар. Еще удар. Стон, а затем плач. Не совладав с любопытством, я заглянул. Двое избивали пациента. Он лежал на полу, а санитары держали в руках дубинки и переговаривались между собой:

– Слышь, он, по ходу, оставшиеся зубы потерял.

Избитый мужчина закрывал окровавленное лицо руками.

– Тогда ему придется не жевать, а сосать... и догадайся, что именно?

Они засмеялись.

– Вы избивали его просто так? – храбро встрял я.

Оба санитаря резко обернулись.

– Ты, новенький, – дерзко отреагировал один из них, – суешь свою мордочку не в свои дела.

– Но нельзя же просто так избивать людей.

– Он напал на Тони, пришлось принять меры. Ты... как

тебя там?

– Лоренцо.

– Ты, Лоренцо, лучше иди куда шел, мы без тебя как-нибудь.

– Если вы от него не отстанете, я...

– Что ты можешь сделать?

– Я доложу руководству.

– Да? Да у нас тут стукач нарисовался!

Я был непоколебим и смотрел прямо в глаза садисту. Видимо, он понял, что я не шучу.

– Ну хорошо, думаю, с него на сегодня хватит. Идем, Тони, у нас есть дела поважнее.

Тогда я впервые увидел в глазах душевнобольного выражение, напоминающее благодарность. Вскоре один из них запер дверь палаты с номером 203. Почему-то я до сих пор помню эту цифру.

После этого случая в дежурной комнате мне были еще более не рады, и, собственно, из-за чего мои похождения продолжились. Когда приоткрытая дверь предстала передо мной вновь, я уже представлял картину, которую увижу внутри палаты, но так как терять уже было нечего, ведь отношения с коллективом не задались, я поддался справедливому гнету своей природы. Вломившись в палату, я окаменел, а рот так и остался открытым в ожидании праведной речи.

Я увидел санитар-здоровяка с голым задом, взгромоздившегося на душевнобольную пациентку. Она не могла что-

то сделать под тяжестью насильника и лишь стонала от боли. Сам же санитар повторял периодические движения тазом и лишь спустя несколько секунд моего наблюдения обернулся. Я не стал даже рассматривать его лицо, как вдруг рванул в дежурную комнату. Когда я, задохнувшийся и испуганный, забежал в комнату санитаров, тут же обратился к находящимся там. Двое садистов даже не пошевелились, а третий всё же обратил внимание.

– Там этот... этот, – запинаясь я, – здоровяк насилует пациентку.

– Кажется, он только что познакомился с Джимми, – отреагировал Тони с улыбкой.

– Почему вы сидите? Нужно что-то делать.

Все трое отвели взгляд.

– Я с Джимми даже связываться не буду.

– Я тоже.

– А мне вообще параллельно.

Неожиданно дверь открылась, и, не заходя в помещение, здоровяк Джимми обратился ко мне:

– Ты, – пробасил он, – на выход.

Я посмотрел на санитаров. Они явно боялись его и проигнорировали мою беспомощность. Мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться и выйти навстречу дьяволу.

– Значит так, – продолжил он, прижав меня к стене, – если кто-то узнает о том, что ты видел, ты труп. Но, возможно, – в его голосе прозвучала насмешка, – я дам тебе шанс пожить,

и ты послужишь моей личной шлюхой. Уяснил?

– Я... я сохраню это в тайне.

– Хоть одно слово – и ты у меня окажешься во-о-от здесь. – Джимми показал на пах.

– Я понял.

Здоровяк фыркнул и, толкнув меня в плечо, побрел обратно.

Спустя несколько дней шок от увиденного немного отступил и нервные колебания сменили вектор тревоги: настала очередь ночной смены. Конечно же, я был рад, что с этих пор буду работать исключительно с наставником и еще двумя, вполне адекватными для этого места парнями. Хэнк провел первый обход со мной и пояснил, что, по сути, трех прогулок за ночь будет достаточно для того, чтобы убедиться в порядке на ответственном участке. Вот только ко второму обходу он захотел спать, и мне, как самому «зеленому», пришлось ходить одному. Вручив ключи от решеток, разделяющих коридоры на отсеки, в связке с ключами от палат, он устроился поудобней и объявил о личном перерыве на сон-час.

Вой и крики из некоторых палат звучали и ночью. И, по заверению наставника, это было нормой, а вопросы всегда возникали в обратных случаях, например, когда палата погружалась в тишину. Убедившись в спокойствии за дверью, рекомендовалось проверять пациента. Подобные действия я проделал с десятков раз, все умалишенные ютились на своих

грязных шконках, и лишь двое из них спали прямо на полу. Заглянув в очередную тихую палату, я увидел пациента, лежащего в странной позе. Лицо его было бледным, рот немного приоткрыт, но вот глаза были широко раскрыты, выдавая пустоту. В голову сразу же закралась мысль, что он мертв.

– Черт, черт, черт...

Я нервно перебирал ключи, думая одновременно как о покойнике, так и о возложенной на всю смену ответственности за него. Найдя нужный номер на головке ключа, я воткнул его в замочную скважину и открыл дверь. Стены палаты не отличались от всех прочих. Желтая краска на них облупилась, пол из белой плитки был вымазан и пропитан многолетними выделениями пациентов. Потолок же казался темного оттенка. В палате находилась вмонтированная в пол кровать, а рядом валялся худой мужчина. Я подбежал к нему, приложил палец к шее. Пульс был. Неожиданно мужчина моргнул, а затем закрыл рот. Я отскочил назад. Он быстро поднялся, после чего голова больного приняла странное положение. Я же застыл от неожиданности и попросту не знал, как реагировать. В это время изо рта, полного гнилых зубов, прозвучала едкая фраза:

– Давно я не пробовал человечинки.

Я выбежал из палаты и попытался закрыть дверь, но пациент вытащил руку наружу, не давая защелкнуть замок, а после толкнул дверь с такой силой, что это меня испугало еще больше. Больной вышел из палаты и стал приближаться,

я же продолжал пятиться назад. Наконец он рванул на меня, а мне ничего не оставалось, кроме как бежать, бежать как можно быстрее. Его визг стоял на весь коридор, и среди малопонятных слов я смог разобрать:

– Я тебя съем, мой вкусенький!

Крик раздавался за спиной, а ноги не чувствовали твердого пола под собой и становились ватными. На время я смог оторваться, но впереди возникла заграждающая коридор решетка. Кое-как отперев, я проник за нее, и как только увидел приближение безумца, даже не попытался закрыть. Я несся со всех ног к дежурной комнате и кричал имя наставника:

– Хэнк! Хэнк, на помощь!

Оказавшись на одной прямой с пунктом спасения, я продолжал бежать и кричать. «Каннибал» же не отставал, предвкушая поздний ужин. Пробежав поворот у комнаты санитаров, я краем глаза заметил силуэт. Обернувшись еще раз, я понял, что это Хэнк. Он услышал призыв и спрятался за углом, недалеко от комнаты отдыха. Я, наконец-то, остановился, а псих, звонко смеясь, продолжал радоваться такому повороту. Вмиг перед его лицом возникла дубинка, и тут же его ноги подлетели выше головы, а гримаса изменилась до неузнаваемости. Безумец отлетел назад, упал на пол и после уже не приходил в себя. Кровь сочилась из рассеченной брови. Хэнк отправил его сильнейшим ударом в глубокий нокаут.

– Да ты, Лоренцо, идиот! – сходу закричал наставник.

– Я думал, он мертв.

– Даже если так! Какого черта ты не позвал кого-то из нас?!

– Наверное, подумал, что он еще жив, но вот-вот умрет.

– Лучше заткнись и позови дежурного доктора. Нужно зашить рану, пока он тут все не вымазал.

– Хорошо, я сейчас её найду.

– Давай быстрее, черт тебя дер!

Через несколько минут я нашел доктора, и Хэнк, после наложение швов «каннибалу», успешно замял мое нарушение. В общем, последствий, как таковых, не было, кроме издевательских насмешек от всей смены, которые, спустя время, заставили улыбаться и меня. Как итог – мне запретили ходить одному.

В клинике каждый день, в одно и тоже время, в специально отведенной зоне на свежем воздухе проходили прогулки, в которых мы, санитары, и все дневные работники младшего звена принимали участие в качестве надзора. Исключением для прогулок являлись особо опасные пациенты, их, кстати говоря, постоянно держали в камере и лишь из-за редких уборок в палате им меняли место пребывания. В целом же их жизнь проходила в четырех стенах и редко выходила за пределы одной комнаты. В одну из таких вылазок на свежий воздух Хэнк поведал мне об экспериментах над больными.

– Лоренцо, видишь того тихого психа? – Он без стеснения

указал пальцем.

Я присмотрелся.

– Тот медлительный у забора?

– Он самый.

– И что с ним не так?

– Лоботомия, – сделав умное лицо, сказал Хэнк.

– Что? Её же запретили.

– Запретили... – Он усмехнулся. – Ага, как же. Здесь эта хрень постоянно практикуется, так же, как, например, и шоковая терапия, и...

– Наши доктора вообще ничего не боятся?

– Видимо... Однажды я слышал разговор заведующего с профессором, и там обсуждалось что-то немислимое. Я даже слов таких не знаю...

– И всё же, о чем они разговаривали?

– Про долгосрочный наркотический сон помню точно, про какую-то кому...

– Инсулиновую?

– Да! Кажется, про неё. А откуда ты...

– Я книжки читаю, Хэнк.

– Книжки, значит. И что они тебе дали, кроме бесполезной информации?

– Ну, например, я знаю, что эти методы запрещены.

– И что ты будешь делать с этими знаниями, расскажешь полицейским? Тогда тебя уволят задним числом, а они со временем возобновят эксперименты.

– Это не эксперименты, Хэнк. Это лечение, раньше такое постоянно практиковалось.

– Походу, ты превзошел своего учителя, «сынок», но, если продолжишь умничать, я тебе задницу надеру. Лучше не беси меня, Лоренцо.

– Недалекие всегда злятся, когда не понимают значения слов.

Хэнк грозно посмотрел на меня, из-за чего пришлось кротко продолжить:

– Да всё, всё, Хэнк, успокойся, я не о тебе...

Со временем случай с побегом «каннибала» был почти забыт, и коллектив дружно выпроводил меня за пределы дежурной комнаты, отмечая день рождения одного из санитаров. По-видимому, они не планировали обход в эту смену, и меня назначили единственным, кто способен чуточку поработать в эту веселую ночь. После часа скучных хождений из-за одной двери слышался голос, называющий меня по имени:

– Лоренцо, – голос старика будто взывал: – Лоренцо, будь добр, подойди.

Я подошел к двери и, не открывая окна, строго спросил:

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Я часто слышу твои разговоры с Хэнком. И он постоянно обращается к тебе по имени.

– Да? А мне кажется, ты хочешь заморочить мне голову

и сбежать.

– Для чего? Меня на воле никто не ждет.

– Тогда зачем вообще ты со мной заговорил?

– Линч из палаты 203 хотел передать тебе большое спасибо...

Я повернул голову на противоположную дверь с названным номером.

– Так почему он сам этого не сделал?

– Наверное, – помедлил он, – потому что у него отрезан язык.

Не сдержав любопытства, я открыл окошко и попытался рассмотреть лицо старика. Скрытая во тьме черепная коробка смотрящего прямо на меня мужчины пугала. Практически облысевший, с впалыми щеками, длинным носом и широкими глазами он смотрел на меня будто на отражение в зеркале. В этот момент наши оценивающие движения головой совпали в точности.

– Это сделали санитары? – спросил я, избегая странного ощущения схожести.

– Нет, он сам себе его отрезал. Видимо, не хотел сообщать о своих галлюцинациях родственникам, думал, они отвернутся от него... Как видишь, не помогло. Но он все равно благодарен тебе за помощь и за то, что ты не оставил его с этими санитарями наедине.

– Он поймет меня, если я с ним заговорю?

– Вряд ли, у него сложная форма шизофрении.

– А что за диагноз у вас?

– А у меня его нет.

– Это невозможно...

– По счастливой случайности я даже избежал лечения током и других жестоких вещей, в отличие от многих присутствующих здесь...

– И как вам это удалось?

– Наверно потому, что профессору интересно со мной общаться. Хотя... – Незнакомец с секунду подумал и с улыбкой продолжил: – Возможно, я чего-то не помню. Память подводит, как никак старость на пороге. Не советую доживать до такого состояния, но мне, как видишь, особо деваться некуда.

– Вы довольно грамотно ведете речь. Как вы вообще оказались здесь?

– К сожалению, я и этого не помню.

– Тогда о чем вы разговариваете с профессором?

– Видишь ли, Лоренцо, у меня особый взгляд на мир. И ему, видимо, интересна моя точка зрения. Профессор изучает меня... а я изучаю его. Но только я это делаю от нечего делать и затем играю с его восприятием... Послушал бы ты наши беседы... – Мужчина замычал, с упоением вспоминая озвученные темы. – Мы – философы альтернативных миров, вот кто мы с ним.

– Так вы все же понимаете, что не совсем здоровы?

– Почему ты об этом спросил?

– Вы признаете себя выходцем из альтернативного мира.

– Нет, ни в коем разе, это он пришел в мой мир, причем без приглашения. Но я не против мирных переговоров.

– Тогда, получается, по-вашему, болен профессор?

– А ты умеешь задавать правильные вопросы. Как бы тебе проще объяснить... – Через секунду его голос стал грубым, а взглядом будто сам дьявол овладел. – Я его почти убедил в этом.

Затем я мгновенно закрыл окошко, не в силах стерпеть гневный взор.

– Чертовщина какая-то, – прошипел я, уходя от палаты прочь.

– Дорогой Лоренцо, я хочу, чтобы ты внял моим словам! – выкрикнул старик в закрытую дверь.

Но я уже не хотел его слышать и просто шел вперед в попытке забыть лицо и странный, злобный и одновременно малящий голос.

Как-то невзначай я спросил Хэнка об этом старике, на что он кратко ответил, что, не считая пациентов, единственным, с кем этот сумасшедший разговаривает, является профессор Нил Эшвурд.

Вскоре сама судьба заставила нас встретиться на лестничном пролете уже в ближайший рабочий день. Я сразу узнал его, так как познакомился во время трудоустройства. Он был членом приемной комиссии, но наверняка меня не помнил.

Как-никак прошел почти месяц. И вот я заговорил с куда-то спешащим профессором:

– Сэр, вы можете уделить мне две минуты вашего времени?

– А какой, собственно, повод, молодой человек?

– Поводом служит пациент палаты 204.

– Мистер Нэйман? Он с вами разговаривал?

– Не особо, но предпринял попытку войти в доверие.

– Странно, он редко общается с персоналом...

– Он упоминал о вас, – прервал я Эшворда, пытаясь еще больше заинтересовать.

– Да? Как интересно. И что же... – Профессор замялся. И после паузы сменил тему. – Впрочем, давайте обсудим наш разговор у меня в кабинете.

– Но вы не туда идете.

– Сначала я должен пройти по палатам, сделать осмотр, и так как я уже опаздываю, приходится торопиться.

– Через два часа вас устроит?

– Приходите лучше через три, сегодня я как раз обещал поговорить с нашим заумным Нэйманом. Надеюсь, он не выкинет сюрпризов.

– Простите, а о каких сюрпризах речь?

– Молодой человек, возможно я с вами поделюсь, но точно не сейчас, мне нужно спешить.

– Хорошо, хорошо, я приду ровно через три часа.

– Договорились.

Через обговоренное время я постучал в дверь. Подождал. Тишина. Затем постучал еще, но по-прежнему никто не открывал. Тогда я опустил ручку и медленно, словно чего-то опасаясь, открыл дверь. Первое, что бросилось в глаза в закрытом от солнечного света кабинете, были ноги, подвешенные ноги. Я поднял голову чуть выше и разглядел посиневшее, с вывалившимся языком лицо профессора. Мои глаза широко раскрылись от увиденного наяву кошмара. Я онемел и просто не мог пошевелиться. Он снял люстру и через крюк просунул бельевую веревку. Мастерски связал удавку и просунул голову в кольцо, которое под тяжестью тела сжалось, перекрыв кислород. Через несколько секунд до меня дошло, что он может быть еще жив. Я ринулся к рабочему столу, схватил канцелярский нож, быстро поставил стул рядом с профессором и в момент перерезал веревку. Тело рухнуло. Я спрыгнул со стула и приступил к сердечно-легочной реанимации. После нескольких безуспешных попыток из-за открытой двери раздался женский возглас.

– О господи... – Вскоре незнакомая женщина с криком обратилась в сторону: – Доктора! Человеку плохо!

В кабинет забежали сотрудники клиники и моментально отпихнули меня. Я не был против их инициативы и тут же отошел в сторону. Почувствовав через несколько секунд головокружение и острую головную боль, я быстро ретировался в ближайший туалет. Там меня вытошнило. Взглянув на свое бледное лицо, я вновь умылся и после нескольких глу-

боких вдохов попытался привести себя в чувство... Вскоре я вернулся к кабинету профессора. К несчастью, попытка вернуть Нила Эшворда к жизни оказалась безуспешной.

Уже через час клинику наполнили вездесущие разговоры о трагедии. Я попытался выяснить странное поведение профессора, но все как один опускали голову. Никто не понимал, почему он так поступил с собой, ведь это был довольно жизнерадостный человек.

Но в памяти еще оставался момент, когда Эшворд говорил о том, что после обхода поговорит с Нэйманом. Возможно, причина самоубийства кроется в их разговоре. Ведь профессор упоминал о сюрпризах, и, видимо, полученная информация оказала куда больший эффект, нежели удивление.

Спустя несколько дней, будучи уже самостоятельным санитаром психиатрического учреждения, я все же рискнул заговорить с обитателем палаты номер 204.

Как только я открыл окошко для серьезного разговора, сразу же обратил внимание на довольное, улыбающееся лицо Нэймана напротив. Он будто ждал этого момента и заранее стоял в ожидании моего появления.

– Лоренцо, я так рад тебя видеть, извини, что вспылил тогда.

– О чем был ваш последний разговор с профессором? – Его оправдания меня не интересовали.

– А с ним что-то не так?

– Вопросы здесь задаю я. Отвечай, или я применю силу.

– А ты на это способен?

– Сейчас никто не услышит твои вопли. А то, что будет больно, это я гарантирую.

– Ну-у-у хорошо, я расскажу все, что знаю... не приемлю насилие. – Пациент опустил голову, будто что-то вспоминая, и после короткой паузы, выпрямившись, продолжил: – Мы с ним довольно часто разговаривали о жизни; о проблемах, окружавших нашего профессора; о том, что в ином месте куда проще, чем в этом; и что там все проблемы кажутся абсолютно незначимыми. Я направил его на легкий путь. И он, видимо... прислушался.

– Так ты его подговорил на самоубийство.

– Нил все же сделал это? – Я прислонился спиной к двери, а Нэйман, будучи по ту сторону, повторил действие. После чего он продолжил, так и не дождавшись моего ответа. – Он долго решался на этот шаг. И хочу тебя заверить, Лоренцо, что все гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. И сейчас я даже в какой-то степени благодарен всем богам, что закон надо мной не властен, ведь я уже осужден на пожизненно, поэтому могу честно признаться... Я действительно ему помог совершить этот поступок.

– Полицейские интересовались мотивами, даже меня подозревали, но в итоге никто ничего дельного не сказал.

– Профессор был скрытным человеком. Он не считал себя вправе делиться своими бедами с чужими людьми.

– Но к тебе у него особое отношение?

– Это правда. Мы с ним постоянно разговаривали обо всем, что только можно представить. И однажды он признался мне, что болен, очень болен. И что подобная болезнь не поддается лечению...

– Что? Это правда?

– Никто, кроме его родных, не знал об этом. Нил не хотел, чтобы на него смотрели с сожалением или помогали из жалости. Он всегда был самодостаточным и не терпел излишеств, особенно в медицине.

– Каких еще излишеств? О чем речь?

– Профессор говорил, что отказался от радикальных методов сразу после первого летального исхода. По его мнению, такое лечение несет лишь вред и зачастую смертельный. Собственно поэтому я и избежал подобных мер.

– Так за тебя заступился профессор?

– Он был благосклонен ко мне и защищал от более жестоких коллег...

– А ты в благодарность подговорил его на суицид.

– Я продолжу, если ты не против. – Я не выказал эмоций, и Нэйман заговорил вновь. – Через несколько месяцев из-за недуга он бы не смог передвигаться самостоятельно, участь быть увядающим, гниющим с течением времени овощем пугала его. На мой взгляд, такая перспектива страшит каждого. Но это не все, Лоренцо...

– Интересно послушать, что ты еще скажешь, – эгоистично ответил я.

– Дело в том, что он застраховал свою жизнь будучи еще здоровым, и агенты, как и все остальные, не знали о его состоянии. А с течением времени шанс разузнать о его проблемах рос в геометрической прогрессии. У Эшворда было мало времени на окончательное решение... А как бы поступил ты? Ждал, пока жизнь будет медленно уходить от тебя, или же покончил бы с собой раньше положенного срока, оставив любимую семью в достатке?

– Я бы попытался найти способ лечения.

– Рак, дорогой мой друг, не лечится.

«Господи... неужели он на самом деле был болен?» – спросил я у самого себя.

– Так что бы ты сделал, Лоренцо?

– Думаю, если смерть не за горами, я попытался бы обеспечить лучшее будущее для своих родных.

– Вот видишь. Я ему тоже самое и сказал.

Пауза прервалась внезапно посетившей меня мыслью, которую я тут же озвучил:

– Мне нужно удостовериться в подлинности твоих слов.

– Пойдешь к жене профессора? Ты думаешь, она признается, что её муж был болен, и из-за своей честности лишится выплат? Безусловно, горе будет их частью какое-то время, но жизнь продолжается, а дети так же, как и раньше, нуждаются в еде, одежде, учебе. На это всё нужны деньги. Вряд ли она будет честна с незнакомцем.

Меня озадачило такое рациональное мышление душевно-

больного, и я просто не смог проигнорировать этот факт.

– Как тебе удалось сохранить такой ясный разум?

– Хм... Есть несколько способов не принимать таблетки, убивающие любой стимул. Некоторые ухитряются обманывать докторов, других же повседневная доза попросту не берет. Ну а я пошел немного иным путем. Я проглатываю таблетки, но, как только наблюдение прекращается, вызываю рвоту. Таким образом я остаюсь в здравом уме уже долгое время. Надеюсь, честность не сыграет со мной злую шутку, ведь я доверился тебе...

– Лоренцо! Какого черта ты так долго пялишься в эту палату? – подходя, спросил Хэнк.

Видимо, он наблюдал за мной какое-то время.

– После того случая я стараюсь быть более внимательным...

– Че ты несешь?

Я закрыл окошко.

– Мне показалось, что он откинулся.

– Я слышал, как ты разговаривал. – Хэнк открыл окошко вновь и, посветив фонариком, убедился, что пациент лежит в кровати.

– Мне пришлось разбудить его.

– Ты такой бледный, Лоренцо. С тобой точно все в порядке?

– Со мной все нормально. Но спасибо за...

– Иди-ка лучше отдохни, – перебил он. – Я подежурю.

– Даже так?

– Э, нет, не все так просто. За это кайфовое дело ты будешь моим должником.

– Как всегда, – ответил я, изображая негодование.

Чувствуя незакрытый вопрос по поводу моего здоровья, Хэнк бросил оценивающий взгляд, на коем я не стал заострять внимание и отправился в комнату отдыха.

Вскоре наши беседы продолжились. Я рассказал Нэйману о своей судьбе, как устроился в этот ад, какова жизнь свободного человека за пределами стен психиатрической клиники, как тяжело было моим родителям. А он в свою очередь слушал, комментировал, давал советы, но практически не обронил ни слова о своей жизни до клиники. Пациент палаты 204 продолжал утверждать, что не помнит своего прошлого. И вряд ли когда-нибудь вспомнит.

Однажды наш разговор перетек в философские дебри. Помню, тогда я пришел с пачкой печенья, забросил ее в окошко, закрыл его и уселся прямо на пол. Спустя несколько минут приятного общения Нэйман спросил у меня:

– Лоренцо, ты славный парень, но как ты относишься к жизни? В чем её смысл?

– Даже не знаю, может его и вовсе нет, – флегматично ответил я.

– Для молодого человека это странный вывод.

– Согласен. Но я с этим ничего не могу поделать. Почти

каждый день я иду на работу, потом отдыхаю, выпиваю, ложусь спать, просыпаюсь – и всё заново. Возможно, у меня появится семья, дети, я сменю одну работу, вторую, но жизнь будет идти, и, по сути, в ней ничего не будет меняться.

– Так для чего ты тогда живешь?

– Сейчас – для родителей, потом – скорее всего, ради собственной семьи. Но в целом, считаю, что природа придумала инстинкт самосохранения не зря, иначе каждый второй житель планеты уже был бы на том свете, даже не вникая в суть серьезных проблем. Плюс любопытно посмотреть, что же будет дальше, возможно, случится что-то интересное, о чем я даже и не предполагаю. Наверное, в этом все-таки есть какой-то смысл.

– Знаешь, я бы хотел, чтобы у меня был такой же сын. Умный, благородный, честный...

– И сидящий в соседней палате...

Мы немного посмеялись.

– И такое возможно, – ответил мой собеседник, после чего продолжил: – Но у меня тоже есть теория по поводу смысла жизни.

– И какая же?

– Думаю, мы, люди, созданы с какой-то иной целью, до которой сами должны додуматься...

– Я начинаю предполагать, что тебя не зря здесь держат.

– Профессор говорил то же самое. – Несмотря на преграду в виде двери, я чувствовал легкую улыбку на его лице. Вско-

ре он продолжил с более серьезной интонацией: – Так вот, я считаю, что наши тела – это гребанные сосуды для чего-то более важного, эпохального, нежели человеческая жизнь. И пусть она не имеет смысла, ей все же доверяется хранение того, что не поддается объяснению.

– Хорошо. Допустим, я уверовал в твою мысль. Но чем ты можешь подтвердить её?

– Хочешь доказательств? Ну ладно. Постарайся услышать мой вопрос и, возможно, ты сам додумаешь ответ. Не знаю, откуда я помню это, но... Когда человек окончательно покидает мир живых, вес его тела, по какой-то невероятной причине, уменьшается на несколько граммов... – Пациент сделал паузу, дожидаясь ответа, но я молчал. – Лоренцо? Лоренцо, ты здесь?

– Да, я просто задумался... Ты хочешь сказать, что душа существует на самом деле и является необходимой ношей для жизни сосуда?

– Ты... гений.

– Даже если это так, что это меняет?

– Меняет представление о жизни, меняет смысл жизни.

Познания влекут абсолютно иное отношение к существованию, к бытию... Разве этого недостаточно?

– Так человеческая жизнь ничего не значит, по-твоему, и просто несет в себе функцию носителя чего-то?

– Боюсь, что это так, Лоренцо, и что мы неспособны постигнуть эту суть в полной мере. Нашему разуму не посилен

такой багаж. Но, возможно, когда-то познав это, я оказался здесь.

– Мне нравится ход твоих мыслей, и я хотел бы продолжить общение, – признался я. – Но мне нужно идти, пока парни ничего не заподозрили. Хэнк и так переживает за мое здоровье.

– А что с тобой не так, друг мой?

– После нашего прошлого разговора о реинкарнации... – Неожиданно я почувствовал вокруг себя вакуум. Моя речь приостановилась, и всё внимание ушло на борьбу со странным ощущением и попыткой восстановить чувства. Зрачки описывали дуги, стараясь уловить реальность происходящего. А разум в это время будто отделился от плоти, и я со стороны смог увидеть самого себя... Жуткое ощущение казалось бесконечным, и каким-то чудом в этот самый момент я в подробностях вспомнил предыдущее наше обсуждение о самой реинкарнации.

Тогда Рамон упоминал о возможном переходе истинной жизни из одного тела в другое без права на воспоминания. Этот поиск был бесконечен, пока существовало человечество, и именно в этом теле его истинное я обрело умиротворение, полную гармонию с физическим естеством. Так он обосновывал свое решение жить, существовать в этой эпохе единства. И даже лишение свободы не ломало планы по восхищению самой жизнью.

По неведомой причине я соглашался с ним, хотя далеко

не всегда был уверен в его не то что речах, а даже в самом психическом состоянии. Но слова были столь манящи, что не слушать их казалось невозможным. Именно тогда я впервые почувствовал условное отречение от происходящего.

Не знаю, сколько прошло времени, но, вернувшись в прежнее, нормальное состояние, я с хрипом вдохнул воздух и, проморгавшись, услышал слова Нэймана:

– Лоренцо, ты молчишь уже несколько секунд, забыл, о чем хотел рассказать? Что ж, иногда такое бывает. Тебе напомнить?

– Да, – поперхнувшись, ответил я. – Голова разболелась.

– Как придешь в комнату отдыха, обязательно прими таблетку. Ты говорил, что Хэнк переживает за тебя, особенно после нашего разговора о реинкарнации.

Только сейчас я понял, насколько тесно связана сегодняшняя тема с той, о которой я хотел поговорить с Хэнком. Но, несмотря на помутнение рассудка, я продолжил разговор:

– Я поделился с ним своими мыслями по поводу бесчисленных возродений, хотел услышать его мнение, но он отреагировал так, как я и предполагал. Сказал, что мне пора в отпуск, а то уже с башкой проблемы. Он за мной и вправду присматривает. Поэтому я и не хочу, чтобы Хэнк видел наше общение.

– Тогда не давай повода переживать за тебя, дорогой Лоренцо, иди к своему другу и на досуге подумай над моими

словами, а в следующий раз, когда ты снова придешь, поведай о своих размышлениях мне.

– Договорились Рамон. Пока.

– Удачи, друг.

В комнате отдыха царила полная тишина. Хэнк, как обычно в это время, похрапывал. А ребята ожидали меня для смены. Как только я явился, они доиграли партию в карты и отправились на осмотр коридоров. Я же, так как особо делать было нечего, взял дневник и приступил к заметкам последнего разговора, дабы запечатлеть яркие моменты продуктивного диалога. Вскоре я, видимо, задремал прямо за тетрадью и...

Лоренцо проморгался, а затем взглянул на фломастер в своей руке. Последние слова были написаны уже в отключке и оказались проштудированы вместе с мыслями: «Вскоре я, видимо, задремал прямо за тетрадью и...». Он перелистнул несколько листов обратно, убеждаясь, что не заметил, как написал несколько страниц о своей жизни и о совсем недавно произошедших событиях. Странные ощущения нахлынули вновь, и молодой итальянец решил немного отвлечься от происходящего. Попытка размять суставы прекратилась через мгновение после первого движения. Тело было настолько эфемерным, что пришлось задуматься над собственным состоянием. В этот момент в поле зрения попали странные стены вокруг. Они были обиты каким-то мягким слоем, издали

напоминающим матрасы. Лоренцо хорошо понимал, что в клинике ничего подобного не видел, но, видимо из-за недосыпа, попросту выпал из реальности, забрел в какой-то специальный кабинет докторов и уснул. Он продолжил растерянно оглядываться вокруг. Ближайшая дверь была с окошком и подобна той, в которую Лоренцо заглядывал еще совсем недавно. В голове творилась какая-то дурь, и только мысль, что всё-таки он заснул от усталости не в то время и не в том месте не отпускала его. Вернув взор снова на свои руки, итальянец обомлел: морщинистые, ссохшиеся, повсюду варикозные синие вены. «Что со мной?» – подумал он.

Вдруг за дверью раздались шаги. Итальянец изо всех сил, что были в этом старом, дряблом теле, бросился к мягкой двери и побарабанил в неё. Через мгновение окошко открылось. Лоренцо увидел незнакомых молодых людей в форме, напоминающей санитарную. Один из них, видимо с бóльшим опытом, заговорил:

– Опять ты. Что на этот раз?

Вопрос показался чересчур странным, но итальянец не стал заострять на нем внимание, ведь необходимо было узнать более важную информацию.

– Какой сейчас год? – спросил он с широко открытыми глазами и хриплым старческим голосом, от которого самому становилось жутко. Боясь услышать неведомую правду, Лоренцо замер, дожидаясь ответа.

По гримасе молодого человека было видно, что этот во-

прос абсолютно не вызывает интереса, в отличие от новенького. Тот раскрыл рот и молча перекидывал взгляд с пациента на коллегу. Не выдержав паузы, юнец задался вопросом:

– Кажется, он пошел на поправку?

– Не думаю, – ответил ему старший, а затем повернулся к Лоренцо и продолжил: – Сейчас, дедуль, 2021-й год.

Лицо Лоренцо исказилось, выдавая эмоцию запредельного шока. Растерявшись, он запаниковал, без возможности связать мысли воедино, и только когда санитар начал закрывать окошко, он, наконец-то, нервно спросил:

– Сколько же лет я здесь?

– Много, старик, очень много. – Парень снова повернулся к более молодому коллеге. – Здесь даже мой родственник работал, который лет десять как умер, а он уже был здесь. Представляешь?

– Ничего себе, – удивился тот.

– Мне нужно к вашему главному, – выдавил Карбоне.

– Он предупредил, что больше не будет принимать тебя.

– Но почему?

– Заведующий просил не сообщать пациенту о причине.

– Скажите ему, что я чувствую себя гораздо лучше... –

Санитар медленно помотал головой, обозначив неудовлетворенность убеждения. – Скажите, что я прозрел и чувствую себя иначе, не как всегда.

– Так что конкретно передать ему?

На полу лежала тетрадь. Лоренцо быстро, насколько это

было возможно, поднял её.

– Вот, передайте мою тетрадь, кажется, я что-то написал во время безумия.

Итальянец передал тетрадь, схожую с той, в которую когда-то записывал заметки будучи так же юн, как стоящий напротив молодой человек.

– Хорошо, я передам... – Парень посмотрел в тетрадь и добавил: – И фломастер...

– Что?

– Фломастер тоже нужно вернуть.

– Держите, и... спасибо вам, спасибо за ваше одолжение.

Старший санитар вздохнул, кивнул головой и закрыл окошко.

Через несколько часов за Лоренцо пришли люди и, заковав в специальные наручники, отвели в кабинет заведующего.

– Генри, посади его напротив.

– Но, сэр...

– Он же в наручниках? – Заведующий оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на руки. – Вижу, да. Так что не беспокойся и, будь добр, посади, и, пожалуйста, выйди. Нам надо поговорить наедине.

– Хорошо, сэр. Если что, я за дверью.

Как только санитар удалился, заведующий обратился к вернувшемуся в нормальное состояние пациенту:

– Ну что, пациент палаты номер 204, кто вы на этот раз?

– Извините, но я вас не понимаю, я всегда был и есть Лоренцо Карбоне. Просто произошло что-то страшное...

– Ошибка длиною в жизнь... – пробубнил мужчина, продолжая перебирать тетради на столе.

– Что?

– Ничего, ничего, продолжайте. Это я так, о своем.

– Дело в том, что я помню, как после общения с пациентом вернулся в комнату санитаров, уснул, а проснулся в абсолютно незнакомом месте... таковым. – Лоренцо осмотрел свое дряблое тело. – При этом я понимаю, что оказался в этом заведении неслучайно, и прошу объяснить, как так получилось? Почему я оказался пациентом?

– К сожалению, я не могу сообщить о причине вашего нахождения в психиатрической клинике...

– Но почему? Какова причина вашего молчания?

– Я не могу об этом говорить с вами, – настойчиво повторил заведующий по слогам.

– Я ничего не понимаю... – прошептал пациент.

– Вы, Лоренцо, говорили одному из наших сотрудников о каком-то изменении. О чем именно шла речь?

– Наверное, я имел в виду, что ко мне пришло осознание. И теперь я... весьма озадачен происходящим. Вы прочитали мой дневник?

– Как раз этим и занимаюсь. Хорошо, что он небольшой, и поэтому мне осталось буквально пару страниц... Посидите минуту, я закончу читать, и мы посмотрим, что можно сде-

лать...

– Хорошо, – с содроганием в голосе ответил старый итальянец.

– Ну вот и всё. – Сказал заведующий через некоторое время, а после встал с кресла и положил тетрадь в стопку к другим подобным.

– Что вы можете сказать?

– Улучшения есть, но незначительные. Мы продолжим ваше лечение, и если тенденция останется прежней, то исход будет на удивление отличным.

– Сэр, мне явно больше семидесяти... – Глаза Лоренцо намокли от подступающих слез. Дыхание сбивалось. – Какой может быть исход? Смерть? В этой жизни я уже ничего не добьюсь и прошу, умоляю, расскажите, что произошло со мной. Мой вечный удел – это палата в вашей клинике. Больше в этом мире мне не суждено познать.

– Лоренцо, я дал себе зарок, что ни при каких обстоятельствах не расскажу вам о вашем прошлом. Поймите, мои слова откатят ваше лечение назад, причем на неопределенный срок.

– Сейчас это волнует меня меньше всего. Расскажите, доктор, расскажите еще, если мне уже об этом говорили, и, клянусь, я буду благодарен вам до скончания дней своих.

Заведующий протер уставшие глаза. Его движения выражали сомнительность подобного прошения. Но сердце этого

человека было добрым, и Лоренцо это чувствовал.

– Ну хорошо, но этот раз – последний, если вы вновь забудете, я не допущу очередного повторения.

– Спасибо вам, вы... вы – добрейший человек. Я внимательно слушаю вас.

– Знаешь, Лоренцо, я заведу этой клиникой уже двенадцать лет и даже до назначения главой я заранее знал, что здесь содержится чуть ли не легенда психотерапевтической медицины. По ней, именно по этой живой легенде, готовят диссертации будущие и настоящие профессора. Пытаются объяснить этот уникальный случай еще совсем юным студентам учителя, наставники. И даже весомые в обществе люди, представители властных структур интересовались им. Как ты мог догадаться, речь идет о тебе, Лоренцо. Ты у нас настоящая живая легенда, но твое имя не Лоренцо Карбоне.

– Что?! – выпалил пациент. – Этого же не может быть!

– Успокойся. – Тон, как и вежливость доктора, слегка изменился. – Иначе мы прервем нашу беседу. Ты просил рассказать, я рассказываю.

– Извините, я... я вспылil, продолжайте, пожалуйста.

– Такой человек действительно существовал и даже работал в этой клинике. Но, к сожалению, он покончил с собой, перерезав вены в туалете. Также я вычитал в ваших записях о профессоре Ниле Эшворде – и такой человек тоже был. Он занимал какое-то время руководящую должность в этой клинике. И он, как это у тебя написано, действительно пове-

сился у себя в кабинете. Единственное несоответствие, что он чем-то болел. Нигде, кроме твоих заметок, такой информации не всплывало. Также я вычитал про пациента Рамона Нэймана... К сожалению, о такой личности у меня нет представления. Вы первый говорите о нем... И я, конечно, проверю, работал ли такой у нас, но, думаю, что, скорее всего, этот человек никак не связан с медициной...

– Если я не Лоренцо, – почти шепотом прервал старик, – тогда кто я?

– Видишь эту стопку тетрадей? – заведующий указал позади себя.

– Да.

– Они все твои. И Лоренцо, наряду с Эшвурдом, является одним из первых твоих жертв. Эти случаи произошли в далеком 1973 году, тогда тебе было где-то 20-25 лет. Честно говоря, мы до сих пор не знаем точную дату твоего рождения, но это уже неважно. Так вот, в каждой из тетрадей рассказывается история человека, большинство – это бывшие сотрудники клиники, но есть люди, не имеющие отношений к медицине. Полагаю, что ты свел с ума их всех.

– Что? Господи, что вы говорите?!

– Не впадай в панику, лучше попытайся вспомнить что-то новое, пока я тебе рассказываю.

– Я... я постараюсь, но я ничего этого не понимаю.

– Давай продолжим. В этих тетрадях истории тридцати четырех личностей, и все они по какой-то причине пропали

без вести или наложили на себя руки. Мы проверили названные тобой имена, и все они подтвердились. Такие люди реально существовали. Но среди них оказался тот единственный, о котором мы ничего не раскопали.

– Видимо, – проявил инициативу пациент, – это и есть моя настоящая личность?

– Возможно. Но официально этого никто не смог подтвердить.

– Расскажите об этом человеке.

– Собственно там ничего особенного нет, за исключением, что это начинающий иллюзионист и гипнотизер.

– Гипнотизер, – медленно повторил пациент.

– Этой историей было увлечено множество людей науки до меня и небольшое количество при мне, и итог примерно у всех одинаков. Для удобства я объединил описание из тетради и отчет психологов, анализировавших её. Постараюсь быть кратким. Появившийся в тяжелых условиях ребенок уже при рождении имел искаленную психику, передающуюся генетическим путем. Но каким-то образом прожил относительно нормальную жизнь, а когда подросток, судьба занесла его подальше от излишне любвеобильной больной мамы. Наш герой стал учеником одного из гипнотизеров-иллюзионистов передвижного цирка. Чему-то научился, и в какой-то момент генетика дала о себе знать, после чего личина открылась в полной мере. Дальше история еще более размыта, и последующее развитие событий можно только предпо-

лагать. Кто-то сдал его полицейским, а те, в свою очередь, привели в эту клинику, где, судя по всему, он развил свое мастерство до совершенства. Ты забираешь личность каждого, с кем сумел найти общий язык, и тот после бесед совершает суицид. Спросишь, почему я не хотел тебе это рассказывать?

– Да, – будто обессилив, подтвердил пациент.

– Ты проживаешь жизнь своих жертв. А когда история жизни в голове доиграна до конца, приходишь в себя – и ничего не понимаешь. Потом я тебе все рассказываю – и на следующее утро ты совсем другой человек.

– Почему меня до сих пор не вылечили?

– А почему ты – живая легенда? Да потому что подобный случай – единственный в мире. Такого пациента нет нигде. Помимо всех жертв гипноза, ты сам себе внушаешь новые параметры жизни. Мы предполагаем, что ты каждый раз гипнотизируешь и сам себя. Вот именно эта загадка, которую до сих пор не могут разгадать ученые, волнует всех нас. Возможно, самогипноз происходит из-за угрызений совести, но, скорее всего, из-за дефектной психики. А теперь, когда ты вернешься в палату и уснешь, постарайся проснуться, помня весь наш разговор.

– Нет, я не хочу, – спокойно и уверенно ответил мужчина.

– Что, прости?

– Я не хочу быть убийцей.

– Ты просто не здоров, вина здесь исключительно в генетике.

– А ты, доктор, не боишься стать моей жертвой?

– Именно поэтому, – с ухмылкой произнес он, – я и не рассказываю о своей жизни. Следовательно, ты не сможешь её пережить, а значит, нет никакого смысла принуждать меня к суициду.

– Вот как. И как меня называли чаще всего? Какое имя я носил дольше всех?

– Цикл личностей повторяется каждый раз. Но все стараются называть тебя в соответствии с личными пожеланиями. – После затянувшийся паузы заведующий продолжил: – Что скажешь, мистер по name?

– Я хочу в палату.

– И всё?

– Мне не хочется разговаривать и я хочу спать.

– Помни, это твой последний шанс. Больше ты не услышишь своей истории.

Пациент замялся, о чем-то задумавшись, и вдруг медленно и четко спросил:

– И сколько раз ты мне это говорил?

– Что?

– Ничего, ничего, я это о своем, – изображая заведующего, сказал старик.

– А ну-ка, повтори, что ты сейчас сказал.

– Я сказал!.. – Пациент схватил ручку со стула и кинулся на заведующего. – Что хочу в палату!

– Генри! Генри! – закричал доктор.

В кабинет ворвался санитар и тотчас нейтрализовал старика, после чего оттащил его от заведующего.

На следующее утро во время очередного осмотра больных заведующий заглянул в палату 204.

– Как ваше имя? – спросил он с улыбкой.

– Мое имя Кристофер Грайн...

– Что? Это же... это же мое имя.

– Этого не может быть. Я принимаю вас в своем кабинете, и вы утверждаете, что вы мистер Грайн? – произнес больной с той же вежливой интонацией.

Через несколько секунд заведующий вышел из ступора и неожиданно вспыхнул:

– Ты доиграешься... Ты понял меня?! Мы еще с тобой не закончили! Сукин сын! Вздумал меня копировать, да? Ну что ж, я устрою тебя испытания! Ты сгоришь у меня, ты понял?! Сгоришь, я тебя так вылечу!

Все то время, которое заведующий потратил на оскорбления, пациент стоял напротив и, не меняя эмоции, молча улыбался в ответ. Вскоре один из присутствующих санитаров закрыл окошко, тем самым прервав бешенство своего руководителя...

Спустя месяц из палаты раздался стук. Проходящие мимо работники клиники открыли окошко и услышали от старика взволнованную речь:

– Я заведующий этой гребаной клиникой! Какого черта вы заперли меня в палате?!

Молодые люди посмотрели друг на друга, после чего один из них медленно спросил:

– Как ваше имя?

– Меня зовут Кристофер Грайн, и я очень зол. Немедленно откройте дверь!

Взгляды санитаров снова встретились.

– Закрой, на хрен, окно и не разговаривай с ним, – нервно заявил парень.

Окошко захлопнулось, а уходящие санитары продолжили общение:

– Это тот самый?

– Да, черт его дери, неделю назад схоронили заведующего, а он уже возомнил себя им.